

Г.П. Хорошко

Историческое прошлое в драматической поэме «Крево» Н. Орочко

Среди поэтических жанров в современной белорусской литературе особое место занимает драматическая поэма. Это особый вид поэтического искусства, который объединяет в себе изначально традиционные роды литературы – эпос, лирику и драму. Некоторые белорусские поэты прошлого столетия охотно обращались к драматическому жанру. Среди них Я. Купала, А. Кулешов, М. Танк, К. Киреенко, В. Ковтун, Р. Боровикова, Н. Тулупова, В. Дюба и др. К этой форме драматического эпоса обратился и Н. Орочко, создавший такие известные в белорусской литературе драматические поэмы, как «Крево», «Курганье», «Мелодия Тавлая», «Судный день Скорины». Это свидетельство того, что форма драматического эпоса возрождается на новой основе в связи с переосмыслением национальной истории, стремлением к истокам народного самосознания.

В белорусской литературе Н. Орочко известен не только как поэт, но и как талантливый исследователь. Глубокое знание литературных процессов национальной и мировой поэзии в значительной степени помогло ему освоить тонкости драматического искусства. Свое отношение к избранному жанру Орочко-литературовед высказал в монографии «Беларуская савецкая паэма», где говорит: «Назрела острая необходимость творчески осмыслить новые эпико-структурные формы, смело войти в сферу поэтической условности, подняться к философскому, поэтному осмыслению одной из важных проблем века: судьбы земли, человечества и личностной святой принадлежности к ответственности за них [1]. Об этом говорят вышеуказанные драматические поэмы автора. Объективные исторические сюжеты в произведениях, несущие ярко выраженную драматичность обстоятельств, характеров, потребовали от поэта и адекватной формы. Поэзный драматизм особенно остро выступает в произведении «Крево», посвященном реальным событиям, которые имели место в истории нашего народа: заключении Кревской унии в 1385 году между Великим княжеством Литовским и Польшей – унии, которая предопределила политический и духовный упадок Белоруссии на целые столетия. В этой связи очень созвучными будут слова М. Карима, обращенные к литовскому поэту, Ю. Марцинкявичюсу: «Его поэмы, отражающие современность, непременно соприкасаются с глубинными корнями, далекими источниками национального духовного бытия, а его исторические полотна всегда встревожены непокоем, порывами, светом современности. Поэт в своем творчестве будто разглядывает время с двух концов. Настоящее для него неизбежно прорастает из минувшего, а минувшее всегда таило в себе загадку будущего» [2]. Нечто подобное можно сказать и о поэмах белоруса Н. Орочко. К историческому материалу он подходит как художник-мыслитель, для которого история не только прошлое, но и настоящее и будущее. Возникает вопрос: почему поэт так пристально интересуется историей, почему так волнует она его? Должно быть, у всякого человека в определенный период жизни возникает особо горячее чувство кровного родства с родиной, народом, среди которого он появился на свет и прожил жизнь. Кроме того, для белорусской, как и для славянской поэмы в целом, всегда был характерен интерес к событиям исторического прошлого. Автору свойственен современный взгляд на прошлое, ощущение общности отдель-

ных эпох. У поэта присутствует дар пронизывать время глубоким духовным взглядом. Его лирические произведения, отражающие, казалось бы, современность, непременно соприкасаются с глубинными корнями, далекими истоками национального духовного бытия, а поэмно-исторические полотна всегда одухотворены непокоем, тревогой и светом современности. Внимание поэта направлено на кардинальные проблемы национального самосознания, исторической судьбы родного народа, его больших испытаний, основ и идеалов морали и этики. Осваивая материал сегодняшней жизни, тот мир, что составляет основу переживаний современника, поэт, как видим, почувствовал нужду в том, чтобы пополнить и освежить видение глубин исторической жизни народа, возродить его память о себе самом. К историческому прошлому обращена драматическая поэма «Крево», возвращающая нас к истокам национальной истории и ее урокам с высоты сегодняшнего дня. Историческое в поэме дается ярко высвеченным авторским сознанием, чувством, лирическим переживанием. Прошлое для поэта не есть бытие – «Пылінкі праху раздзьмувае час – І з мёртвага ўспыхвае жывое» [3]. Оно манит к себе не только трудной разгадкой того, «кто мы былі», а и желанием понять, «хто нашы нашчадкі? Які наш лёс далейшы ў барацьбе?» [3, с. 78]. Глубокое эпическое осмысление истории дает право назвать драматическую поэму «Крево» национальным эпосом в современном понимании. В ней присутствует ярко выраженный драматизированный способ подачи жизненного материала. Источником драматизма в «Креве» является социальное и национальное противоречие, духовное состояние человека, его внутренний мир. Поэма строится на действии, реализуемом в монологах и диалогах героев, авторских ремарках и развивающемся как отношение персонажей, конфликтно противопоставленных друг другу. Избранная автором драматическая форма дает возможность глубоко раскрыть внутренние противоречия человека в его отношениях с внешней средой и миром. Обращаясь к далекому прошлому, Н. Орочко помнит о настоящем, пытается найти в истории ключ к решению современных проблем. Автора интересует в связи с этим не только своеобразие национального субстрата и исторического опыта – исходя из конкретных фактов истории Белоруссии, в «Креве» он вырабатывает концепцию человека, являющегося для него причиной и следствием, движущей силой и целью всего исторического развития. В событиях прошлого поэт ищет духовно-созидательные силы. В достоинстве личности и народа он усматривает важнейшую опору, позволяющую с эпическим спокойствием, со всей полнотой и откровенностью затронуть универсальные проблемы бытия и добиться при этом впечатляющих результатов.

Сюжет драматической поэмы «Крево», как уже говорилось, заимствован автором из национальной истории XIV века. Это – заключение (14 августа 1385 г.) в стенах Кревского замка (Крево – бывшая столица удельного Кревского княжества XIV века) персональной унии и между княжеством Литовским и Польским королевством.

Н. Орочко в драматическом произведении «Крево» не отступает от этой исторической правды, наполняя ее новым смыслом и содержанием. Факт как таковой переосмысливается в поэме таким образом, что превращается в проблему поисков исторической истины. Автор не просто пересказывает события пятивековой давности, он стремится докопаться до их нравственного смысла, определить те испытания, моральные и духовные, через которые определяет себя народ и личность в сложных драматических обстоятельствах. Воспроизведение отдаленных от нас столетиями кревских событий, от которых, однако, во многом зависело быть или не быть родине – не только той, средневековой, но и сегодняшней, дало автору возможность, хотя и косвенно, но совсем недвусмысленно комментировать современность, раскрывать содержание драматических конфликтов нашего времени. И сюжет, и композиция в поэме Н. Орочко подчиняется логике развития авторской мысли.

События, описываемые Н. Орочко в драматической поэме, охватывают достаточно большой и напряженный исторический отрезок времени. Из истории (да из самого произведения) известно, что при осаде крестоносцами крепости в 1341 году гибнет Гедымин, великий князь Великого княжества Литовского, который настойчиво защищал границы княжества от нашествия крестоносцев, принимал непосредственное участие в политическом объединении и собирании земель древней Белоруссии и Литвы в единое государство. Как отмечают историки, «объединение осуществлялось на основе взаимодоговоренности, которая гарантировала сохранение особенностей местного самоуправления, хозяйственной и социальной жизни» [4]. После гибели Гедымина великим князем станет его сын Явнут. Однако его братья, Альгерд и Кейстут, видя, что авторитет власти падает, государство ослабевает, сговариваются против него. В то ответственное время Кейстут и Ольгерд стали править государством, т.е. делили власть между собой. Отец двенадцати сыновей (от княжны витебской Марии и княжны тверской Ульяны), воинствующий Ольгерд через 32 года оставил Кейстута одного. После смерти брата Кейстут признает Ягайло (сына Ольгерда) великим князем Великого княжества Литовского. Тот, в свою очередь, при помощи своих слуг расправляется с Кейстутом и делает покушение на Витовта, сына Кейстута, законного преемника великого княжеского престола и, надо сказать, более достойного претендента на королевскую корону. В поэме «Крево» Ягайло в центре всех событий. Он крестит литовцев, раздаёт каждому, кто добровольно примет католицизм, по белой холщевой рубахе. Даже его сородич Войшалок, основатель Лаврышевского монастыря, не обнаружил такого порыва в деле христианизации. На предложение крестоносского приходского священника Зигбера стать соучастником крещения Жмуди и Авштайского Витовт отвечает такими словами: «Ах, вась вы што! Вам сніцца наша Жмудзь? Наднёманскія землі Чорнай Русі?», [3, с. 3] – так, согласно летописным источникам, нередко назывались земли современной Белоруссии, что вошли в состав Великого княжества Литовского. Черная Русь включала уезды – Новгородский, Лидский, Слонимский, Волковыский, Гродненский. В первой части драматической поэмы «Крево» Кейстуту перед смертью является призрак Явнута. И Кейстут скажет обиженному брату: «Грэшны перад небам, я ўсё ж святы перад сваёй зямлёй» [3, с. 81]. На это Явнут отвечает: «Ты ўсё гатовы імем асвятціць сваёй дзяржавы... Змову і захоп!» [3, с. 82]. Тогда, в 1345 г., Явнут убежит в Москву. Позднее он вернется на покаяние к братьям и будет жить в Заславле.

Однако нам кажется, что основу драматического конфликта поэмы «Крево» составляет не внешняя конфронтация противоположных сил, а действие внутреннее, которое происходит в сознании и в душе героев, в их диалогах и монологах-рефлексиях. Смысл конфликта сформулирован в диалогах Кейстута и Бирты. Кейстут, брошенный Ягайлом в темницу, говорит своей жене, что минувшей ночью он видел знаменье:

Зайшла ў сон мой праз байніцу поўня.
А на той поўні на вілах
Брат брата
Трымае, покуль свет стаіць... [3, с. 92].

XIV век в Белоруссии – время борьбы за объединение земель Великого княжества Литовского, за укрепление государственности, время борьбы против посягательства на нее крестоносцев. В этом единении между белорусами и литовцами было много общего: географическая среда, природные условия, историческая судьба, давнее экономическое и военное сотрудничество, этнические связи, боевая солидарность в борьбе с немецкими крестоносцами и татаро-монгольским нашествием, культурное взаимодействие. Связанные общностью пути, белорус-

ский и литовский народы шли в героической борьбе за свою социальную и национальную независимость, формируя свое самосознание, вырабатывая философские и морально-этические взгляды на мир. Но это было и время внутренних распрей среди гедыминовичей, преследовавших власть, – тема, не раз становившаяся предметом трагедий как жанра высокой драматургии. Для примера можно привести произведение Ю. Марцинкявичюса «Миндаугас». В поэме-трагедии литовского автора ее герой Миндовг, добываясь расширения Литвы и завоевывая новые земли, говорит словами горшечника, что прочный горшок «из одного куса глины лепят» [5]. Какой должна быть эта глина – основа основ? Старик, мастер своего дела, говорит, что звучат горшки тогда, «когда глина хороша и на любви замешена с любовью» [5, с. 80]. Для Витовта в поэме Н. Орошко «Крево» осознание пагубности насильственных акций в деле укрепления государства («Ці доўга натрывае тая моц, што ўзідзе на падступнасці, крыві?! Калі ж нам сілу ўзгадае ў княстве не меч крываваы, а...» [3, с. 128]) дополняется пониманием невозможности, нереальности борьбы только «чистыми методами» с миром зла и насилия, олицетворением которых в поэме является Ягайло.

Историография в прошлом часто изображала Ягайло как набожного, смиренно-мудрого властелина, который молился даже при Грюнвальде во время сражения с немецкими рыцарями. Но был ли в действительности таким набожным христианином Ягайло?

Из истории известно и другое: этот набожно-христианский (тогда еще православный, а после ставший католиком) повелитель заключил союз с жестоким врагом государства – крымской ордой – и пошел на Куликово поле, чтобы бить войско православного великого князя Дмитрия Ивановича. Что сдержало Ягайло в самый последний день? Константин Тарасов на страницах «Малодосці» (№ 9, 1980) высказал версию, что Ягайло побоялся отрицательной реакции Европы на союз христиан с мусульманским властелином против единоверца. Боялся Ягайло и другого: встречи на Куликовом поле с родными братьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичем, которые привели своих ратников на помощь Дмитрию Донскому

Он боялся врагов и братьев. Он боялся своего дяди Кейстута и двоюродного брата Витовта. Боязнь рождает хитрость. Ради добычи и наживы нужно было устранить тех, кто хотел мира для государства. И набожный властелин «рукамі служак, жывацін пралойных» (Лысица и Кучук Жыбьяндзя) совершает смертельный грех: убивает родного дядю. За Кейстутом на костер идет верный служитель, рослый с голубыми глазами юноша в долгой белохолщевой одежде, и меченосец, а не пленные, не враги государства, как велел обычай. В разговоре с приходским священником Зигбером Витовт говорит:

Бацька мой... Няўжо няма?
Няма мяжы для жорсткасці сляпой
Братазабойства...
Самавынішчэння! [3, с. 110].

Боязнь и хитрость, предназначенные, кажется, для самовыживания, ведут к самоистреблению. Люблинская и Брестская унии – завершение того, что начал Ягайло. В поэме «Крево», как и в ранее упомянутом нами «Миндаугасе» Ю. Марцинкявичюса, стоит вопрос, что является тем надежным первым кирпичиком, который ляжет в основу здания – государства? Ответ на него заключен в символических вещих словах, которые Кейстут передает своему сыну Витовту, выцарапав их на стене темницы в последнюю, пятую ночь перед насильственной смертью:

Ты цярпліва, як араты хлеб,
З зямель агульных нашых здабывай
Два словы –
Еднасць... братэрства [3, с. 100–101].

В передаче этих слов отцом сыну отчетливо видится аналогия с исторической преемственностью тех нравственных идеалов, на которые должны быть извечно основаны отношения между людьми. Витовт в поэме не однозначный, не односторонний, а многогранный и объемный человеческий характер. Автор не стремится создать нимб над чело́м этой исторической личности. Он выделяет в герое не только одно положительное, но и те определенные противоречия между человеческими чувствами и неотступным стремлением к власти, что, надо полагать, в то время и было вызвано необходимостью государственной централизации. Во время трагического выбора князь Витовт совершает нравственный суд над собой и своим близким, мучительно задумывается над сущностью бытия, над судьбой Отечества и ходом истории:

Які ж
Угатаваны тут вась, за мурамі,
З галінай роду Кейстута
І лёс
Супольнасці зямель Літвы Вялікай,
Жмойціі і Белаі Русі –
Чую –
Як быццам хтось на калена,
Бяздумна, жорстка, слепа, безразважна
З галінай нашай родавай
І ход
Самой гісторыі... [3, с. 114].

Создавая образ Витовта, человека и государственного деятеля, автор «Крево» руководствовался мировыми и национальными традициями в раскрытии характера. Витовт – герой высокого плана, который, подобно своим братьям по духу – Гамлету, Годунову, Калиновскому – осмысливает в свете конкретно исторического опыта большие общечеловеческие истины. В душе Витовта борется желание понять все происходящее. Витовт понимает, что его цель, как и цель Ягайло, – это власть. Но, в отличие от Витовта, Ягайло более жестокий и коварный и вместе с тем хитрый соперник. Поэтому Витовту было нелегко его победить. Вспомним, что вынудило Ягайло пойти против Дмитрия с Мамаем? Желание расширить территорию государства? И это. Но было и нечто другое. Это – великая княгиня литовская, бывшая великая княгиня «хитромыслящая» Ульяна, мать Ягайлы:

У двор Ягайлы з мудрасцю вужыцы
Яна пускае дзікія намовы –
Каб мяккацелы сын не захістаўся!
Шчыруе для любімчыка Ягайлы,
Каб стол велікакняскі для яго
Паставіць на крыві... [3, с. 114].

В 1327 году тверчане восстали против ордынцев. Восстание подавил московский князь Иван Данилович, внук Александра Невского, известный как Иван Калита. С этого времени московский князь становится великим. Ягайло тоже мечтает о расширении власти. Эта мечта не покидает Ульяниного сына и в 1385 году. В поэме Н. Орочко Ягайло так объясняет, почему он идет в Краков, почему лишает Литву Великую политической независимости:

Унія – не толькі шчыт
Ад крыжакоў...
Я еду, каб адцяць
Уплывы пераможныя Усходу! [3, с. 153].

Вот почему так «звабна свецяцца зубцы кароны». Вот почему Ульяна, эта своеобразная леди Макбет, мечтает о короне для сына. По ее приказу дольщик Петруля приносит великому князю вещий знак – монету с образом невесты в короне. «А цяпер можна і ў міласцівыя рукі вялікага князя... Караля нашага!» [3, с. 144]. Он станет королем Польши и на сем лет подначалит Кракову Литовское государство. Хитростью он не допустит, чтобы корону надел Витовт Великий, владелец Белой и Черной Руси, Жмуди, Украины, Подляшья. Как видим, каждый персонаж в драматическом произведении естественно вписывается в историю народа, нации, так создается поэтический эпос – не в родовом и не в жанровом значении, а в синтезе и масштабности художественного мышления, в том, что мы называем эпическим мироощущением.

В лучших традициях классики автор показывает в «Крево» и народ. Это как бы своеобразный многоликий характер, через который воплощена история. В массовых сценах («На жэглшчы») народ возмущается, он плачет, желая освободить из темницы Витовта, и все же этой силе еще непросто в тех условиях существенным образом повлиять на ход событий. Тут трагедия народной жизни определена автором со всей остротой и настоящей художественной значимостью. В народе – все истоки исторического прогресса, и в то же время некто другой распоряжается и его мнениями, и его силой:

Народзе мой,
Ты ведаеш пра ўсё.
Пра лёс акрутны наш, пра ганьбу, здраду,
Пра змовы і вязніцы...
Ды чаму
Так часта позніцца тваё збавенне?
З пашанай ты прыходзіш пасля смерці
Няўжо прыйсці з заступніцтвам сваім
Табе ў час – так цяжка?... [3, с. 107].

В композиционном строе поэмы «Крево» своеобразное место занимает «Послесловие, или Вопль короны Витовта», в котором выделяется политическая концепция власти. Мы раньше отмечали, что по «иронии судьбы» Витовт является законным наследником великокняжеского престола и более достойным претендентом на королевскую корону. За все это время он и не смог избавиться от вассальной зависимости польского короля – и в этом Н. Орочко видит не только драму одного конкретного человека, но и объективную драму самой истории.

В поэме «Крево» автор мастерски использовал принципы реалистического воспроизведения действительности. Поэт правильно несет к сознанию читателей субъективные причины кривских событий, потому что характеризует персонажей и мотивирует их поступки в соответствии с реальными фактами. Вместе с тем он обращается к средствам условности, символике, притче, соединяя реальность и фантастический вымысел. Факт использования приемов условности в поэме «Крево» дает право утверждать, что историческая конкретика в принципе не противоречит даже самим средствам многозначительной условности, если у автора есть чувство меры и такта в ее использовании. Поэтика условности позволяет автору придать своему произведению многомерность, динамику, объемность воплощения (появление призрачных фигур Явнота, Войдылы). Эти условные обозначения, как своеобразный магический кристалл, высвечивают реальное мироощущение героев – без такого подхода

не было бы и самого замысла поэмы, тем более – драматической. Сегодня она как бы заново открывает неисчерпаемое богатство специфически условных форм и способов драматического обнажения коллизий, включая формы условной психологизации. Использование приемов и форм условности дает поэту возможность выявлять в «Крево» многообразие действительности, широкую гамму чувств и переживаний героев. Условность, как ни один другой прием, позволяет совмещать историю и современность, тем самым заставляя нас вновь задуматься о судьбах мира, о настоящем и будущем человечества, о судьбе своей Родины. На этом основании в ткань драматической поэмы автор вводит аллегорические притчи («Сон Ягайлы», «Паляўнічая быліца Кейстута»), которые являются «вещими» – предсказывают ход дальнейшего развития событий, придают содержанию философскую наполненность. Е. Гурская, анализируя поэму «Крево», приходит к выводу, что «основная конфликтная коллизия поэмы, ее герои, их поведение и характеры в целом соответствуют исторической правде». И тут же оговаривается: «Вместе с тем отдельные моменты в произведении вызывают определенное несогласие с автором». Так, по ее словам, не совсем соответствует выводам исторической науки мысль, прозвучавшая у Н. Орочко в монологе Кейстута, что Новогрудок «распачаў вялікі новы гмах дзяржаўнасці – адсюль і змагалася і ў свет пайшла Літва Вялікая» [3, с. 100]. Дальше критик утверждает, что «этот белорусский город, безусловно, имеет очень важное политическое значение на первом этапе становления Великого княжества Литовского. Однако то, что Новогрудку принадлежала ведущая роль в политическом объединении литовских и белорусских земель, не подтверждается историческими сведениями» [6]. На наш взгляд, критик высказывается несколько опрометчиво. В некоторых источниках по данному вопросу имеется достаточно убедительный материал, который говорит об обратном. Так, в «Обращении к белорусам мира», которое помещено в газете «Літаратура і мастацтва» от 10 августа 1990 года, говорится, что на белорусских землях со столицей в Новогрудке зародилось Великое княжество Литовское, которое выросло в мощное многонациональное государство. Об этом сказано и в «Гісторыі Беларусі» [7]. Но в данном случае (что касается поэмы Орочко и сферы художественного творчества вообще) можно исходить и из других принципов: художник волен характеризовать личность и строить концепцию, основываясь и на достаточно проработанной гипотезе, это его право. Свидетельство этому – «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери» А. Пушкина, «Миндаугас» Ю. Марцинкявичюса, «Хамутиус» А. Кулешова и др. Здесь, в «Крево», главную роль играет не только правда фактов, но и правда художественных образов, характеров, деталей. Но при этом социальные, исторические, национальные проблемы, что затрагивает Н. Орочко, не отходят в прошлое, не становятся объектом изучения лишь историков литературы – они актуальны и в наше время. Нам кажется, что главное для настоящего художника-реалиста состоит не в поиске формы ради нее самой, не в предпочтении, оказываемом одному какому-нибудь художественному приему или способу, не в его универсализации или абсолютизации, а в таком использовании всего многообразия средств художественной изобразительности, которое лучше всего способствует решению идейно-эстетической задачи произведения. В структуре «Крево» мастерски выписаны диалоги и монологи – важный атрибут драматического жанра. Они помогают ощутить главный мотив и конфликт произведения – поэтизацию борьбы за нравственное право человека на свободу своего разума, утверждение его права на протест против несправедливого мира.

Поэтическое слово автора звучит полнокровно и убедительно. Весьма богата лексика «Крево». Естественно звучит «святакрадства» вместо узаконенного толковым словарем и малопонятного читателю «святатцтва», в литературный обиход

вводятся лексемы «жэглiшча», «знiч» - слова старые, ныне забытые... Такая лексика помогает воспроизвести в драматической поэме атмосферу того времени, о котором пишет автор, потому что, еще раз подчеркнем, в этом произведении сильна познавательная сторона, так как оно не только освещает еще одну страницу нашей истории, но и объясняет ее, находя духовную связь с современностью. История встает перед нами в собственной сущности, в достоверно воссозданной обстановке и атмосфере того времени, в национальном колорите и психологической мотивированности поступков и действий героев, в резко очерченных индивидуальных характерах.

Таким образом, анализ драматической поэмы Н. Орочко «Крево» показывает, что это произведение отличается живым ощущением далекой эпохи, богатством исторических реалий, щедростью словесной живописи, ритмико-интонационным многообразием, тонкой инструментовкой стиха. Авторское повествование исполнено лиризма и вместе с тем, как произведение драматическое, строится на монологах, диалогах с использованием ремарок и всех прочих деталей, характеризующих жанровые очертания драматической поэмы. Сложная в композиционном отношении, включающая в повествовательную ткань как лирические медитации героев, так и драматически-напряженные сцены, поэма отличается единством речевой структуры, целостностью стиля. Если говорить о композиционном решении, то в «Крево» следует выделить основные ее закономерности. Произведение построено по законам драматического искусства: тут все рассчитано и взвешено, продумано по законам внутренней «симметрии», которая чувствуется во всех сюжетных линиях, связанных с образом центральных лиц, – это характерный признак данной жанровой формы. Определенная условность композиции драматической поэмы Н. Орочко – также наследие высокого художественного мастерства, поэтическое воззрение автора. Все вместе взятое дает право утверждать, что поэт умело, мастерски использовал возможности драматического жанра, синтезируя приемы эпики, лирики и драмы.

Творческий подход Н. Орочко к социальным и национальным проблемам, его умение находить конфликтную основу в драматической поэме «Крево» и в истории нашего народа, связывая с современностью, позволяет автору создать высокое художественное произведение не только по тематической своей сути и образной фактуре, но и по напряженности мысли и эмоциональности строя, прорывающихся в строфах подлинно высокой поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Орочка М.М.** Беларуская савецкая паэма. – Мн., 1979. – С. 313.
2. **Літаратурная газета.** 1973, 12 декабря.
3. **Орочка М.** Курганне. Крэва. – Мн., 1982. – С. 77.
4. **Забытая слава. Кароткі агляд ваеннай гісторыі** // Звезда, 1992, 19 лютага.
5. **Марцінквячюс Ю.** Миндаугас. Собор. – М., 1978. – С. 79.
6. **Гурская А.** Сувязі і сэрца // Польша, 1984, № 1. – С. 318.
7. **Гісторыя Беларусі** // Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Ч. 1. – Мн., 2000. – С. 75–101.

S U M M A R Y

The dramatic epic poem «Krevo» by N. Orochko is studied in this article. In this poem the author reveals virtual events which took place in our people's history, i.e. the signing of the Krevo Union by the Great Duchy of Lithuania and Poland in 1385.

Поступила в редакцию 14.11.2003